

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.А. ЖУКОВСКОГО НА КОНЦЕПЦИЮ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Д.А. Щуков

Ключевые слова: Гоголь, Жуковский, «Тарас Бульба», повесть, лиризм, гендер.

Keywords: N N.V. Gogol, V.A. Zhukovsky, “Taras Bulba”, novella, lyricism, gender.

DOI 10.14258/filichel(2023)1-09

Повесть «Тарас Бульба», являющаяся важной частью творческого наследия Гоголя, известна исследователям в двух редакциях. Во второй из них отмечаются значительные авторские корректировки, однако оба варианта объединены героическим пафосом.

Гоголь в своем творчестве уделяет большое внимание проблемным вопросам национальной истории. Этому способствует подготовка к лекциям по истории (Гоголь был непродолжительное время адъюнкт-профессором в Петербургском университете и, кроме того, задумывал монументальный труд по истории Малороссии). Предположим, что на Гоголя-историка мог повлиять В.А. Жуковский. И.Ю. Виноцкий замечает, что поэт «<...> не был туманным мечтателем, бегущим от истории, как ангел от скверны <...>. Его интерес к русской и всеобщей истории, а также к философии истории был неизменен на протяжении десятилетий» [Виноцкий, 2006, с. 18]. Знакомство, а затем и дружба с Жуковским открывает для Гоголя новые творческие возможности. В связи с этим цель статьи заключается в выявлении влияния произведений В.А. Жуковского на концепцию повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

К вопросу творческих контактов Гоголя и Жуковского обращались многие исследователи (Г.А. Гуковский, В.В. Гиппиус, Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, И.А. Айзикова, И.А. Поплавская, Е.А. Смирнова, Д.В. Долгушин, А.В. Петров, Н.В. Кузнецова и др.). Однако нет специальных работ по выявлению возможных творческих моделей Жуков-

ского в «Тарасе Бульбе», поэтому мы обратимся к тексту данной гоголевской повести и выявим аллюзии, реминисценции и мотивы произведений поэта.

Героическая повесть «Тарас Бульба» во многом основана на традициях украинского казачьего воинства. Произведение освещает один из самых трагических и смутных периодов истории Украины. Это время, когда Польша предпринимает агрессивные попытки влиять на внутренние дела страны: начинается полонизация части украинской знати, польские католические миссионеры все чаще принуждают православных украинцев стать католиками — украинская культура смешивается с польской. Однако вскоре появляются несогласные, что приводит к восстаниям и боевым столкновениям с поляками. По мысли В.Д. Денисова, «в повести Гоголь обозначает два ... периода той эпохи ...: это время за короля Стефана — 1570-е гг., ... (тогда король Стефан Баторий признал казаков серьезной военной силой и сформировал из них регулярное войско), и время религиозно-освободительной войны с поляками после Брестской унии 1596 г., когда чаша “терпения уже переполнилась”» [Денисов, 2018, с. 151].

Гоголь анализирует истоки этих событий, особенное внимание уделяя положению народа. Этому содействует исторический и общественный контекст эпохи: «... в памяти еще были ярки примеры героической доблести русского солдата-мужика, победившего Наполеона ... недавнее декабристское восстание, последовавшая николаевская реакция, обострение социальных противоречий в обществе — все это побуждало разобратся в причинах и следствиях ... вставал вопрос о роли народа в истории» [Гаджиева, 2006, с. 183].

Многих русских поэтов и писателей эпохи романтизма также интересовала история родины. Отметим, например, патриотическое стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов». Оно прославляет русское войско, воспекает победителей Наполеона. В нем прослеживаются патриотический пафос и традиции романтизма. Взгляды Жуковского могли воздействовать на творческое сознание Гоголя. По мнению Н.В. Кузнецовой, «юный Гоголь, познакомившись еще в лицее с произведениями Жуковского, во многом через них открывает для себя и органично впитывает романтическую поэзию. Общность эстетических взглядов обуславливает то, что, оказавшись в Петербурге, Гоголь из всего литературного круга выделяет именно Жуковского, настоятельно ищет с ним дружбы» [Кузнецова, 2006, с. 6–7]. Работая над «Тарасом Бульбой», Гоголь мог ориентироваться и на драму Шиллера «Орлеанская дева» в переводе поэта. Гипотеза основывается на том, что писатель также создает произведение,

в котором важная роль отведена герою-лидеру, народному избраннику с сильным, волевым характером. Образ Иоанны Жуковского коррелирует с образом Тараса Бульбы.

Так, оба героя обладают мужеством и рождены исключительно для ратных подвигов.

Рассмотрим, как авторы представляют данных персонажей в начале произведения:

Надеть должна ты латы боевые,

В железо грудь младую заковать;

Страшись надежд, не знай любви земных:

Венчальных свеч тебе не зажигать (Василий Жуковский. Полное собрание сочинений и писем. 2011. Т. 7. С. 237).

Некоторые черты характера Иоанны прослеживаются в Тарасе Бульбе: «Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава» (Николай Гоголь. Полное собрание сочинений. 1937. С. 47). Героев объединяют нестигаемость характера, крайняя принципиальность, мужество, любовь к отчизне. Они становятся предводителями народно-освободительных войн. Кроме того, полковника и Иоанну роднит стремление выполнить сверхмиссию. Т.А. Кулакова пишет, что «для повести актуально, прежде всего, служение казаков предназначению. Оно овеяно ореолом почитания веры, товарищества, ореолом праведности и выступает как некое подвижничество, как идеал жизненного пути, освященного высшими ценностями» [Кулакова, 2006, с. 13]. Отметим и различия полководцев: жизнь Иоанны наполнена мистическими аспектами (знамения свыше, общение с Богом). В жизни же Тараса Бульбы трудно увидеть мистику. Персонаж живет обыкновенной, земной жизнью.

Тем не менее Жуковского и Гоголя одинаково занимает рыцарская модель героя с высокой патриотической идеей. О.Б. Лебедева, рассматривая перевод Жуковского, подчеркивает, что в образе Иоанны «... запечатлен ... экстатический тип самоотречения ... тип религиозного смирения ... во имя Родины» [Лебедева, 1988, с. 78]. Вместе с тем, в другой работе исследователь подчеркивает, что «в переводе “Орлеанской девы” психологизм как способ изображения драматического характера соединяется с патриотическим содержанием этого характера, высокий гражданский пафос одушевляется тонким и проникновенным элегическим лиризмом» [Лебедева, 2011, с. 602].

Вкупе эстетические элементы, выделенные О.Б. Лебедевой, значимы и в повести Гоголя. Писатель использует сходный суровый исторический контекст, затем вводит в него мятежную фигуру Тараса Бульбы.

При этом Жуковский и Гоголь обращаются к внутреннему миру своих персонажей. Воинственность Иоанны и Тараса соседствует с лиризмом. Так, в Иоанне все же остается некое женское, нежное начало, у нее есть поклонник, что дополняет ее суровый образ. Тарас Бульба же оказывается способным проявить отцовские чувства к Остапу. Кроме того, полковнику и французской предводительнице свойственна грусть.

В гоголевском тексте посредством судьбы старого полковника также можно проследить судьбу всего украинского народа. Судьба Иоанны тоже непосредственно связана с народом.

Как и Иоанна Жуковского, Тарас один из немногих, кто открыто и бесстрашно восстает против притеснений захватчиков. Оба героя являются символами народного сопротивления. Их внутренний мир в основном «спаян» из аскезы и рыцарских идеалов.

Очевидны лидерские качества Тараса, и особенно ярко этот талант проявляется им в общении с казаками. Он осведомлен обо всех проблемах своего войска, знает, что необходимо его подчиненным: *«Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды, и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынью, наведенному прощаньем с товарищами, а между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех ...»* (Николай Гоголь. Указ. соч. 1937. С. 129).

Харизму проявляет и национальная героиня Франции. Она собирает народ на битву, произнося необходимую всем вдохновенную речь:

Не трепетать! вперед! не пожелтеет

Еще на ниве клас, и круг луны

На небесах еще не совершится —

А ни один уже Британский конь

Не будет пить из чистых вод Луары (Василий Жуковский. Указ. соч. 2011. С. 234).

В этих фрагментах выделяется особая императивная манера речи персонажей. Герои тверды в убеждениях и верят, что правда на их стороне. Тем не менее не все персонажи избирают именно это направление жизни. Андрий, попадая во вражеский стан, влюбляется в полячку, после чего совершает подлое предательство. Затем следует хрестоматийная сцена, в которой Тарас убивает сына.

Исход жизни каждого казака имеет особенности. Уже плененный и приговоренный поляками к сожжению, Бульба продолжает думать о товарищах и об итогах битвы с врагом. Несколько иная судьба ожидает Остапа. Отважный воин (заметим, что покорность отцу вкупе с мужеством роднит героя с Роландом-оруженосцем, персонажем из

одноименной баллады Жуковского), не посрамит отца и делом и ценой жизни докажет, что до последнего верен отчизне.

Героическую патетику рода Бульбы несколько снижает Андрий. Инаковость персонажа становится очевидной практически с первых страниц повести. Андрию часто непонятны традиции казаков (приоритет во всех начинаниях грубой мужской силы, отвержение женщин). Ему видится в этом дисгармоничность мира, и это можно назвать явной угрозой для казачества. Персонаж испытывает интерес к полячке (эстетика человеческих отношений) и к музыке («симфония свистящих пуль на поле брани», восторг от звучания органа в храме как проявление эстетики искусства в душе персонажа). Е.Е. Дмитриева подчеркивает, что Андрий испытывает не соблазн католичеством и красотой полячки, «... но пробуждение ... к подлинной религиозности, к Богу, который говорит с ним теперь уже не на языке догмы, но на языке искусства и любви» [Дмитриева, 2009, с. 355]. Младшего сына Бульбы не привлекает шумная жизнь казаков с пьянством и разгулом.

При этом, несмотря на строгий запрет казакам иметь связь с женщинами во время военного похода, Андрий тайно встречается с полячкой (женщина и неприятель одновременно — враг-искуситель, подобный дьяволу из баллады Жуковского «Лесной царь»). В данном произведении зло также влечет к себе, оно парадоксально притягательно для людей. Андрий, как одержимый, готов везде следовать за возлюбленной. Ради нее он забывает о долге и родине. В.Д. Денисов предполагает, что это происходит «... в результате магического воздействия ... красавица неодолимо влечет Андрия» [Денисов, 2018, с. 99–100]. Юноша в порыве страсти дает полячке клятву верности, словно подписывает договор с искусителем: «Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрешь! ...» (Николай Гоголь. Указ. соч. 1937. С. 106]. Символично, что после этих слов гоголевский повествователь восклицает: «И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божьей!» (Там же. С. 107). После такой сделки, по логике Жуковского и Гоголя, должна торжествовать справедливость — грешник отправляется в ад. Герою не удастся воплотить свои мечты о подлинной любви, поскольку он переходит незримую грань между высоким чувством и опасной страстью.

Символично, что незадолго до роковой встречи с полячкой во вражеском городе юноша проникается звуками органа в католическом храме: «... величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые ропоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сво-

дами своими поющими звуками, напоминавшими тонкие девичьи голоса ...» (Николай Гоголь. Указ. соч. 1937. С. 97). Гармония и дисгармония сходятся в этом эпизоде. Душа Андрия ликует, но одновременно тревожится (на это указывают «тяжелые ропоты грома»), что может указывать на возможную негативную развязку событий. Будущая земная любовь, духовное постижение бытия (вслушивание в звуки духовной музыки), эстетика католической церкви — все смешивается в юной душе. Это похоже на откровение, сродни эстетическому манифесту Жуковского «Явление поэзии в виде Лалла Рук»:

Как утро юного творенья,

Она пленительна пришла

И первый пламень вдохновенья

Струнами первыми зажгла (Василий Жуковский. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. 2000. С. 224).

Однако Андрию доступен лишь миг откровения. Вскоре он предстанет перед отцом и понесет наказание за предательство. Андрий сосредоточивается на полячке, забывая о матери, товарищах и родине. Предположим, что он раскрыл свою духовность лишь частично. Его поражает эстетика католического храма и красота девушки, однако религия как часть духовного предполагает определенные запреты и лишения (ср. заповедям в христианстве). Андрий же часто импульсивен в своих решениях, стремится к наслаждениям, что и приводит его к предательству. Кроме того, символично, что Тарас и Остап погибают как мученики, в то время как Андрий уходит из жизни бесславно, не испытывая страшных мук (страдания — важный аспект христианства).

Экзальтированность Андрия коррелирует с персонажами Жуковского-балладника, которым несвойственны полутона в проявлениях чувств. В лиро-эпосе поэта этические категории добра и зла всегда ведут поединок. Гоголь, еще зависимый от установок романтизма, ориентируется на творческие открытия старшего товарища, но при этом отчетливо демонстрирует внутренние противоречия младшего сына Тараса.

Трагический исход повести не обходится без ноты лиризма, которая связана с женскими образами. Прекрасная полячка может вызывать чувства, подобные тем, что испытывал лирический герой в эстетических манифестах Жуковского («Невыразимое», «Лалла Рук» и т.п.). Мать Остапа и Андрия же демонстрирует высшее проявление любви в повести. Тихие стенания, тяжелое предчувствие персонажа напоминает эмоциональный, надрывный плач лирической героини Жуковского в стихотворении «Песня матери над колыбелью сына»:

В слезах у люльки я твоей —

А ты с улыбкой почиваешь!

О дай, Творец, да не узнаешь

Печаль, подобную моей! (Василий Жуковский. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. 1999. С. 275).

Таким образом, можно обнаружить значительное влияние творчества В.А. Жуковского на концепцию повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Так, в его повести и драматической поэме Жуковского «Орлеанская дева» выделяется ряд схожих моментов: гражданская проблематика, образ народного лидера и т.п. Писателей в одинаковой степени интересует финал переломного времени страны, а также гендерные аспекты (мужская суровость и женская лиричность; мужчина-лидер; женщина-лидер и т.п). Любопытны учиненные казаками расправы над польскими младенцами. С.В. Синцова пишет, что это «... отдаляет мужской гендер от его высокой мистической цели, низводит его высокую миссию отцовской любви ...» [Синцова, 2011, с. 72]. У Жуковского ярким примером проявления гендерной проблематики является нетрадиционное для тех времен поведение Иоанны. О влиянии творчества Жуковского на Гоголя может свидетельствовать и завуалированно явленная в образе полячки аллегория искушителя, а также мотив наказания за выбор темной стороны.

Библиографический список

Аношкина-Касаткина В.Н. Русский романтизм. В.А. Жуковский, А.С. Пушкин. М., 2014.

Виницкий И.Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М, 2006.

Гаджиева Л.И. Исторические реалии и судьбы казачества в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 17.

Денисов В.Д. Петербургский текст Гоголя. СПб., 2018.

Дмитриева Е.Е. Гоголь и католичество: pro и contra // Поэтика русской литературы. М., 2009.

Кузнецова Н.В. Жуковский и Гоголь. Диалог об искусстве в переписке писателей : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.

Кулакова Т.А. Мотив «услужения-службы» в художественном мире Н.В. Гоголя : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

Лебедева О.Б. Жанровая система переводов В.А. Жуковского из Шиллера // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988.

Лебедева О.Б. Драматические произведения В.А. Жуковского (Приложение) // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2011. Т. 7.

Синцова С.В. Тайны мужского и женского в художественных интуициях Н.В. Гоголя. М., 2011.

Список источников

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1937. Т. 2.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2011. Т. 7.

References

Anoshkina-Kasatkina V.N. Russkiy romantizm. V.A. Zhukovskiy, A.S. Pushkin. [Russian Romanticism. V.A. Zhukovskiy, A.S. Pushkin]. Moscow, 2014.

Vinitskiy I. Yu. Dom tolkovatelya: poehticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V. A. Zhukovskogo. [The House of the Interpreter: Poetic Semantics and Historical Imagination of V.A. Zhukovsky]. Moscow, 2006.

Gadzhieva L.I. Istoricheskie realii i sud'by kazachestva v khudozhestvennom prostranstve "Veчерov na khutore bliz Dikan'ki" N. Gogolya. [Historical realities and destinies of the Cossacks in the artistic space of "Evenings on a farm near Dikanka" by N. Gogol]. In: Vestnik YuUrGU. [Bulletin of the South Ural State University]. 2006. No. 17.

Denisov V.D. Peterburgskiy tekst Gogolya. [Gogol's St. Petersburg Text]. St. Petersburg, 2018.

Dmitrieva E.E. Gogol' i katolichestvo: pro i contra. [Gogol and Catholicism: pro and contra]. In: Poetika russkoi literatury. [Poetics of Russian literature]. Moscow, 2009.

Kuznetsova N.V. Zhukovskii i Gogol'. Dialog ob iskusstve v perepiske pisatelei. [Zhukovsky and Gogol. Dialogue about art in the correspondence of writers]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tver, 2006.

Kulakova T.A. Motiv "usluzheniya-sluzhby" v khudozhestvennom mire N.V. Gogolya. [The motive of "service" in the artistic world of N.V. Gogol]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Saratov, 2006.

Lebedeva O.B. Zhanrovaya sistema perevodov V.A. Zhukovskogo iz Shillera. [The genre system of V.A. Zhukovsky's translations from Schiller]. In: Problemy metoda i zhanra. [Problems of methods and genres]. Tomsk, 1988.

Lebedeva O.B. Dramaticheskiye proizvedeniya V.A. Zhukovskogo (Prilozheniye). [Dramatic works by V.A. Zhukovsky (Appendix)].

In: Zhukovskiy V.A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. [Zhukovsky V.A. Complete collection of works and letters]. In 20 vols. Moscow, 2011. Vol. 7.

Sintsova S.V. Tayny muzhskogo i zhenskogo v khudozhestvennykh intuitsiyakh N.V. Gogolya. [Secrets of the masculine and feminine in N.V. Gogol's artistic intuitions]. Moscow, 2011.

List of sources

Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochineniy. [Complete works]. In 14 vols. Moscow, 1937.

Vol. 2.

Zhukovskiy V.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. [Complete works and letters]. In 20 vols. Moscow, 1999. Vol. 1.

Zhukovskiy V.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. [Complete works and letters]. In 20 vols. Moscow, 2000. Vol. 2.

Zhukovskiy V.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. [Complete works and letters]. In 20 vols. Moscow, 2011. Vol. 7.